

появившееся на политической сцене Америки консервативно-популистское “Движение чаепития”, провозглашает: “Мы стоим на защите конституции, глубоко консервативной по своей сути”².

Все же, несмотря на присущее консерваторам разного толка благоговение перед конституцией, в их подходах к ней обнаруживаются определенные нюансы. Прежде всего, необходимо выделить социальных консерваторов, чье отношение к конституции носит, можно сказать, сакральный характер. Достаточно сослаться на одного из их лидеров Р. Санторума, трактующего принципы конституции буквально: “Признание того, что права происходят от Бога, а не от правительства, отличает Соединенные Штаты от любой другой страны мира”³.

Прокламируемая Берковитчем политическая умеренность наталкивается и на такое серьезное препятствие как присущая политической жизни США поляризация. Особенно резко она проявляется по линии консерватизм – либерализм. Однако, она достаточно сильна и внутри консервативного лагеря. Мощным ферментом поляризации служит социальный консерватизм. По мнению американского политолога Дж. Белла, социальный консерватизм, начиная с президентских выборов 1968 г., превращается в “единственный величайший фактор раздора между взглядами народа и элиты, ведущий к непрерывной поля-

ризации, которой отличается американская политика вплоть до нынешнего дня”⁴.

В последние годы эта тенденция нашла воплощение в близком социальном консерватизму “Движении чаепития”. В отличие от глобализированной элиты консервативные популисты подобно социальным консерваторам придают принципиальное значение традиционным семейным ценностям, трудовой этике, американской исключительности и национальной идентичности. Они не склонны поступаться своими принципами. Отсюда поляризация в консервативных рядах между влиятельными кругами республиканского истеблишмента и консервативными популистами, которую трудно совместить с политической умеренностью.

Вообще, для того, чтобы консервативный лагерь смог консолидироваться, по-видимому, требуется “великий коммуникатор” типа Р. Рейгана. Пока же внутриконсервативной политической умеренности могут поспособствовать, главным образом, политика президента Б. Обамы, а также страстное желание отвоевать Белый дом. Учитывая остроту внутриконсервативной поляризации более вероятны тактические компромиссы, нежели долгосрочный консенсус.

П. Ю. Рахмиров,
доктор исторических наук, профессор
Пермского государственного национального
исследовательского университета

² About Us, <http://www.teaparty.org/about-us/>

³ *Sanctum R. American Patriots. Answering the Call to Freedom.* Washington, 2012, p. XX.

⁴ *Bell J. The Case for Polarized Politics. Why America Needs Social Conservatism.* New York – London, 2012, p. 210.

ИТАЛЬЯНСКИЕ АРХИВЫ В РОССИИ – РОССИЙСКИЕ АРХИВЫ В ИТАЛИИ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013, 372 с.

Вышедший под редакцией Р.А. Говорухо пятый выпуск в серии “Проблемы итальянистики”, издаваемой Российско-итальянским центром Российского государственного гуманитарного университета, состоит из цикла архивоведческих исследований о документальных собраниях по истории двух стран. Работы, представленные в сборнике, рассматривают архивное достояние России и Италии как источники для исследования связей, контактов и отношений между двумя странами. Это плодотворное научное направление корнями восходит к середине 60-х годов XX в., к далеким временам историографической “оттепели”. В ту пору советские и итальянские историки начали уникальный для эпохи холодной войны диалог между представителями двух национальных историографических культур, долгое

время разделенных “железным занавесом”, взаимными идеологическими предрассудками и предубеждениями. Тогда же был предпринят и первый опыт изучения архивных материалов.

По прошествии времени этот изначальный историографический замысел заметно усовершенствовался, воплотившись в наши дни в особый научный жанр исследований, воссоздающих картину в какой-то мере общей истории России и Италии, процессы взаимодействия их политических культур, их образов, запечатленных в ученом и народном сознании¹. Своими научными достижениями это историографиче-

¹ См., например: *Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri.* Manduria – Bari – Roma,

ское направление в немалой степени обязано богатству документальных коллекций российских и итальянских архивов, сравнительно недавно, как о том свидетельствуют материалы сборника, введенных в научный оборот.

Появление новых исследований состоялось во многом благодаря радикальным переменам начала 90-х годов XX в. в организации архивного дела, нареченным, с легкой руки архивистов, “архивной революцией”². Пожалуй, самым значимым результатом этих революционных преобразований, как следует из представленных в сборнике работ, стал доступ исследователей к материалам ведомственных архивов ЦК КПСС и Министерства иностранных дел, где режим хранения документов и доступ к ним всегда отличались наиболее строгой регламентацией.

Разительность перемен в архивах внешнеполитического и бывшего партийного ведомств (одно из архивных собраний последнего было преобразовано в Архив Президента Российской Федерации) справедливо отмечает в своей статье И.А. Хормач, автор исследования по истории советско-итальянских межгосударственных отношений. Возникли, подчеркивает автор, новые возможности для изучения дипломатической истории России и Италии, теперь уже не только на основании официальных документов, ограниченных по своей информационной насыщенности, но и с использованием более широкого круга источников, отражающих повседневную деятельность министерства, “кухню” дипломатической службы, – документальных материалов секретариатов руководителей ведомства, его различных подразделений, дневниковых записей дипломатов и т.д.

Другой, тоже некогда ведомственный Российский государственный архив социально-политической истории, прежде известный как Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, представлен в части его документального собрания по итальянской истории в обзоре В.Н. Фомичева. Наиболее важная его составляющая – это корпус документов Коминтерна и компартии Италии, доступ к которому был открыт в годы “архивной революции”. Уже первое знакомство с ним позволило опровергнуть самые пессимистические прогнозы относительно судеб, кстати, весьма вероятных, этой документации, отразившей самые драматические моменты в

совместной истории наших двух стран. Много лет назад, когда еще ничто не предвещало грядущей “архивной революции”, Дж. Берти, один из выдающихся итальянских историков XX в., основываясь на опыте своей эмиграции в СССР и последующих научных занятиях в советских архивах, высказывался весьма скептически относительно каких-либо существенных открытий, которые можно было бы сделать в архивных фондах Коминтерна, будь они однажды открыты. Те исторические истины, которые на основании этих документов могли бы быть установлены, не без основания полагал Берти, подлежали, по соображениям вершителей архивной политики, отнюдь не преданию гласности, а наоборот, их тщательному сокрытию³. К счастью, как оказалось, этим мрачным предвидениям, высказанным в запальчивом полемическом тоне, не суждено было сбыться.

В статье И.М. Нагаева представлен обзор коллекций Российского государственного военного архива о советско-итальянском военном сотрудничестве в период между двумя мировыми войнами. До сих пор историки мало уделяли внимания теме сотрудничества двух стран в межвоенный период по сравнению с другими внешнеполитическими темами.

Политической историей не исчерпывается тематический спектр сборника. Целый блок работ в нем – это исследования по истории культурных связей России и Италии. В их основу положены материалы из собраний Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива древних актов, Института русской литературы РАН, Музея архитектуры имени А.В. Щусева. Об архивах Ватикана рассказывается в статье Е.С. Токаревой, а в работе М.Г. Талалая – об архивах русских православных церквей в Италии. Режим благоприятствования в доступе отечественных исследователей к этим богатейшим зарубежным архивным собраниям – это тоже своего рода последствие “архивной революции”, перемен в нашей жизни, смягчивших для людей нашей профессии былой синдром “отсутствия” Италии, долгое время заявлявший о себе труднодоступностью страны, “капиталистической”, по общепринятым понятиям, ограниченным информационным ресурсом, в том числе и архивных, предоставленных в распоряжение историка.

“Архивная революция” – это еще и невиданная до совсем недавнего времени возможность освоения корпуса архивных докумен-

2007; *Коломиец В.К.* Политический образ современной Италии. Взгляд из России. М., 2013.

² *Козлов В., Локтева О.* “Архивная революция” в России (1991–1996). – Свободная мысль, 1997, № 1, с. 113–121; № 2, с. 115–124; № 4, с. 116–128.

³ *Berti G.* Problemi di storia del PCI e dell'Internazionale comunista (A proposito della “Storia del PCI” di P. Spriano). – *Rivista storica italiana*, 1970, № 1, p. 148–198.

тов, запечатлевших “запретные” события как итальянской, так и нашей общей истории. Так, О.А. Гуревич пишет о “Белом Соппротивлении” 1943–1945 гг., а М. Карлетти Делль’Аста – об архиве диссидентского движения 60–90-х годов XX в. в Италии.

Практически все статьи сборника (и это несомненная удача авторского коллектива) содержат те информационно-справочные сведения об итальянских материалах в архивах России

и Италии, которые могут послужить ориентиром для других исследователей. Последним, хочется верить, будет дано вкусить, по меткому выражению М.А. Юсима, одного из авторов сборника, скромное обаяние архивов.

В.К. Коломиец,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

IDEOLOGY AND FOREIGN POLICY IN EARLY MODERN EUROPE (1650–1750). Aldershot: Ashgate, 2011, 320 p.

ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (1650–1750). Олдершот, 2011, 320 с.

Современная историография проявляет все больший интерес к роли идеологии в историческом процессе. Пример тому – рецензируемая коллективная монография под редакцией Д. Оннекинга и Г. Роммельсе, посвященная месту идеологии во внешней политике в Европе раннего Нового времени. Ее содержание отличается и традиционностью, и новизной. В книге два введения с различным подходом к исследуемой проблематике.

В первом, написанном профессором университета Утрехта Д. Оннекингом и сотрудником Нидерландского института военной истории в Гааге Г. Роммельсе, подчеркивается, что столетие (1650–1750 гг.) между религиозными войнами и конфессионализацией, с одной стороны, и войнами периода Французской революции – с другой, в европейской политике отнюдь не являлось деидеологизированным. Еще недавно, пишут авторы первого введения, историки раннего Нового времени, в том числе и поколение ревизионистов, уделяли мало внимания теории международных отношений, хотя на практике испытывали сильное влияние концепции “политического реализма”, основанной на “властной и рациональной” природе международных отношений и занимающей довольно прочные позиции в современной историографии. Сегодня новая дипломатическая история все чаще сосредоточивается на социальных и интеллектуальных конструкциях, “культуре” дипломатии.

В “Ответе на введение” профессор Роттердамского университета Р. фон Фридебург указывает на то, что изучение идеологии во внешней политике важно для понимания трансформации европейского общества уже с конца XV в., а не только с рождения Вестфальской системы в 1648 г., как считают Оннекинг и Роммельсе. Между реальной дипломатической историей и

идеологией, полагает он, всегда существовала тесная связь.

В сборник вошли статьи как маститых ученых, так и соискателей докторской степени или даже студентов, представителей разных западноевропейских научных центров.

Анализируя попытку английских вигов взять в свои руки инициативу во внешней политике, С. Пинкус подчеркивает, что в 1690-х годах виги рассматривали французскую угрозу и в идеологическом, и в геополитическом контексте. Они выступали за континентальную стратегию войны против ярого врага англичан и их свобод – Людовика XIV, а для тори, пропагандистов стратегии “голубой войны”, борьба на континенте представляла периферийный интерес (с. 32–38).

В статье Г. Эванса исследуются интерпретации политики Карла II Стюарта и Вильгельма III Оранского в торийских и вигских сочинениях начала XVIII в. На основе работ Дж. Свифта, Г. Болингброка, Ч. Девенанта и других авторов он делает вывод, что узкопартийная политика отражалась и на исторических сочинениях.

Д. Ахн остановился на использовании античной модели для понимания внешней политики Британской империи. Размышления об Афинах у Г. Болингброка, Д. Юма, А. Смита, как полагает историк, – это поиски золотой середины между властью и свободой, внешней политикой Ганноверской династии и изоляционизмом (с. 127).

Новый подход к Голландской войне 1672 г. обозначил Д. Оннекинг. В отличие от традиционного представления о Нидерландах как о жертве англо-французской агрессии он проводит идеологическую и политическую взаимосвязь между “Оранской революцией” и европейской войной, считая, что реставрация представителя Оранской династии на должности статхаудера Республики Соединенных